

Аркадий Аверченко

Кипящий котел

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А19

А19 **Аверченко А.**
Кипящий котел / Аркадий Аверченко – М.: Книга по Требованию, 2012. –
48 с.

ISBN 978-5-4241-3448-7

"Я хочу этой книгой закрепить период нашего годового кипения в раскалённом котле, в этой горячей яме, дно которой жгло пятки, — одним словом, я хочу, чтобы всё, уплывающее из нашей памяти, расположилось ясными прямыми, правдивыми строками на более прочной, чем мозг человеческий, — бумаге.

Мой кипящий котёл — это Крым эпохи «врангелевского сидения».

ISBN 978-5-4241-3448-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Аркадий Аверченко
Кипящий котел

Введение. Зачем я выпускаю «Кипящий котел»?

Человеческая память — очень странная машина, почти всегда действующая с перебоями...

Один юмористический философ разрешился такой нелестной для человеческой памяти сентенцией:

— Никогда не следует (говорил он) доверять человеческой памяти... Память моя сохранила одно очень яркое воспоминание: однажды в детстве я, гуляя, свалился в глубокую яму. Я это твердо помню. Но как я из этой ямы выбрался — решительно не помню... Так что, если доверяться только одной памяти — я должен был бы до сих пор сидеть в этой яме...

Нас было несколько сот тысяч человек, которые сидели в огромной яме, но с нами случилось не совсем так, как с моим философом: мы очень хорошо помним, как мы попали в яму и как из нее выбрались, но период нашего сидения (знаменитый, потрясающий период!) начал постепенно изглаживаться из нашей памяти, и — еще год-полтора — вся эта эпопея «сидения» станет бледным, серым, расплывчатым пятном без красок, фактов и очертаний.

Я хочу этой книгой закрепить период нашего годового кипения в раскаленном котле, в этой горячей яме, дно которой жгло пятки, — одним словом, я хочу, чтобы все, уплывающее из нашей памяти, расположилось ясными, прямыми, правдивыми строками на более прочной, чем мозг человеческий, — бумаге.

Мой кипящий котел — это Крым эпохи «врангелевского сидения».

Что это за удивительный, за умильный период: в одном котле кипели и щуки, и караси, и букашки, и таракашки, и «едоки первой категории», — и все это, кипя, ухитрялось пожирать друг друга: мелких букашек поедали караси, карасей — щуки, щук — едоки первой категории, а кипящий распад «едоков» снова поедался букашками, червячками и таракашками.

Пройдет два-три года — и до дырок будет русский человек протирать лоб, вспоминая:

— А сколько это я платил в Крыму за бутылку лимонаду? Не то 15 целковых, не то полторы тысячи? Помню, дом на Нахимовском я купил до войны за 30 тысяч... Но почему я потом за гроб для отца заплатил 800 тысяч? Как случилось, что я, имея на пальце бриллиантовое кольцо, ночевал на скамейке Приморского бульвара? Почему селедки мне заворачивали в энциклопедический словарь? А кто были наши рабочие? Большевики? Меньшевики? Как они понимали рабочий вопрос? Почему они, живя во сто раз лучше других, — бастовали? *

И не будет ответа! Все чудесное, курьезное, все героическое, все ироническое стерлось, как карандашная надпись резинкой...

Книгой «Кипящий котел» я все это хочу закрепить.

Может быть, мои очерки иногда гиперболжны, иногда неуместно веселы, но в основе их всегда лежит факт, истина пронизывает каждую строчку своим светлым лучом — и это моя скромная заслуга перед историей.

Наши будущие дети! В заброшенной отцовской библиотеке вы найдете эту пыльную с пожелтевшими краями книгу, развернете ее — и глазенки ваши от изумления выкатятся из орбит сантиметра на два: бред сумасшедшего графома-

на?!

Нет, дорогие детишки! Это все правда, и мы, герои, полубоги, гомеровские отпрыски, — пережили дикий «Кипящий котел» на своих многотрадальных боках!..

А. Аверченко

I. Оскудение и упадок

Старый Сакс и Вертгейм

Настроение плохое, с утра серый упорный дождь, и все окружающее тоже приняло серую окраску.

Сел за письменный стол с очень определенным тайным решением: свирепло ругаться.

Довольно добродушия! Решил называть все вещи их собственными именами, ставить точки над *i*, ломиться в открытую дверь, плакать по волосам, снявши голову, смотреть в зубы дареному коню, кусать свои локти, развалиться не в своих санях и, вообще, гнаться за двумя зайцами — может быть, поймаю обоих и тут же зарезу, каналий, и того, и другого.

* * *

Сидел недавно в театре на концерте знаменитого артиста. Гляжу — на нем старый, порыжевший фрак.

Сначала сжалось мое сердце, а потом посветлел я: будто на карточку любимой женщины в ворохе старой дряни наткнулся.

Здравствуй, старый петербургский фрак. Я знаю, тебя шил тот же чудесный петербургский маэстро Анри с Большой Морской, что шил и мне.

Хорошо шивали деды в старину.

Этому фраку лет семь, и порыжел он, и побелел по швам, а все сидит так, что загляденье.

И туфли лакированные узнал я — вейсовские.

Держитесь еще, голубчики?

Видали вы виды... Сверкали вы по залитой ослепительным светом эстраде Дворянского Соборания, сверкали на эстраде Малого зала Консерватории, а иногда осторожно ступали, боясь поскользнуться, на ослепительном паркете Царскосельского, Красносельского, Мраморного — много тогда было дворцов, теперь, пожалуй, половину я и перезабыл...

А нынче вы не сверкаете больше, лакированные туфли. Вы потускнели, приобрели благородный налет старины, и долго еще не заменит вас ваш хозяин другими, хотя и получает он за выход целую уйму денег: десять тысяч.

Не заменит потому, что получает он десять тысяч, а фрак и ботинки стоят двадцать, а когда он сдерет за выход двадцать тысяч — ваши новые заместители, многоуважаемый фрак и ботинки, — будут стоить сорок тысяч.

Махнет рукой ваш хозяин и скажет:

— Нет, не догнать.

И будете вы все тускнеть и тускнеть, все более покрываться налетом старины, переезжая из Севастополя в Симферополь, из Симферополя в Карасубазар, из Карасубазара в какой-нибудь Армянск — ведь пить-есть надо даже гениальному человеку.

Так призадумался я, сидя в театре, потом очнулся, обвел глазами ряды, и показалось мне, что рядом со мной, и впереди и сзади, сидят два совершенно различных сорта фарфоровых статуэток...

Одни — старые, потерятые, в обветшавших, но изящных, художественно по-

мятых, мягких шляпах и в старинных, лопнувших даже кое-где, ботинках — от Вейса, Королькевича, Петерсона... Статуэтки, нечто вроде старого Сакса или Императорского фарфорового завода, за которые любители прекрасной старины платят огромные деньги.

И другие статуэтки — новые, сверкающие, в пальто с иголочки, в дурно сшитых многотысячных лакированных ботинках с иголочки, чисто выбритые, иногда завитые.

Это — ярко раскрашенное аляповатое фарфоровое изделие от берлинского Вертгейма, выпущенное в свет в тысяче штампованных одинаковых экземпляров. Это — новые миллионеры.

Первые статуэтки элегически грустны, как, вообще, грустно все, на чем налет благородной старины, вторые — тошнотворно самодовольны.

У вторых вместо мозга в голове слежавшаяся грязь, и этой грязью они лениво думают, что наша теперешняя жизнь самая правильная и что другой и быть не может.

Да знаете ли вы, тысяча чертей и одна ведьма вам в зубы, что вы оскверняете своими свинячьими мордами это место, где творит сейчас великий артист вечную красоту!..

Как вы сюда попали? Вон отсюда!

Идите в кафе, на пристани, в мануфактурные магазины пухните там вдвое от ваших дешевых миллионеров, но не лезьте так нагло в храмы, не сморкайтесь в кулак, когда служат литургию Красоте!

Весь старый Сакс — профессора, инженеры, писатели адвокаты, доктора и артисты — уже давно не делают себе маникюра, и, однако, как изящны линии их нервных белых рук, как красиво розовеют их выпуклые, блестящие без маникюра ногти...

Недавно я зашел в парикмахерскую... Около маникюрши маячила очередь, всё народ дюжий, с корявыми кривыми лапами, а она в это время отделявала пятерню какому-то бывшему подвальному мальчику — шершавую красную пятерню, — начищая плоские рубчатые ногти с яростью, с какой сапожный чистильщик наводит глянец на выдавшие виды сапоги кругосветного путешественника.

И подумал тут я:

— Дурак ты, дурак, бывший подвальный мальчик... Если бы твоя рука по-прежнему оставалась красной рабочей рукой — я, если хочешь, поцеловал бы ее благоговейно, потому что на ней написано святое слово «труд»... По что ты теперь будешь делать этой отлакированной лапой? Подписывать куртажную расписку на сто пудов масла по пяти тысяч за пуд или неуклюже облапишь хрупкий фужер, наполненный заграничным шампанским, завершая в кабаке выгодную сделку на партию кофе из гималайского жита?..

Хороший маникюр тебе сделали...

А ведь, судя по некоторым признакам, ой, как редко ты бываешь в бане, бывший подвальный мальчик.

Надо бы чаще...

Кстати, я тебя видел в магазине Альшванга — ты покупал за три тысячи французские духи, с хитростью дикаря стремясь заглушить ароматом Убигана природный, столь выдающий тебя запах.

И обливаешься ты этими духами так щедро, что впору бы тебе и водой так обливаться.

А джентльмен — тебе, вероятно, незнакомо это слово, подвальный мальчик? — А джентльмен в потертом пиджаке уже 4 года как не душитесь духами — и все же от платья его идет тонкий, еле уловимый запах «Шипра» Коти — такого Шипра для вас теперь и не выделяют, — и этот еле уловимый старый, бывший запах грустен и прекрасен, как аромат увядшего, сплющенного в любимой книге, цветка.

Ну, что ж... Теперь вы в силе, вертгеймовское исчадие...

Что ж... Лезьте вперед, расталкивайте нас, занимайте места — это вам не поможет, — так жить, как мы, вы все равно не умеете.

Может быть, многим из нас место не в теперешней толчее а где-нибудь на полузабытой пыльной полке антиквара, но лучше забытая полка в углу, в полумгле, робко пронизанной светом синей лампадки перед потемневшим образом, — чем бойкий каторжный майдан...

Бал у графини X...

...Графиня вошла в бальную залу — и ропот восхищения пробежал среди блестящих гостей...

Она была одета в платье из серебристого фая, отделанного валансьенскими кружевами и лионским бархатом... На мраморной шее сверкало и переливалось роскошное бриллиантовое кольцо, в ушах мерцали теплым светом две розовых жемчужины, царственная головка венчалась многотысячным парадом из перьев райской птицы.

Два молодых человека в черных фраках с огромными вырезами белых шелковых жилетов, стоя у колонны, тихо беседовали о графине:

— Вероятно, она дьявольски богата?

— О, да. Отец дает за ней пятьсот тысяч. Кроме того, у нее тряпок — шелковых платьев, белья самого тонкого, батистового, похожего на паутинку (мне, как другу семьи, показывали), — всего этого тряпья наберется тысяч на 50. Три сундука и шкаф битком набиты...

— Parbleu! — вскричал молодой щеголь, небрежно вынимая из кармана плоские золотые часы с жемчужной монограммой:

— Я, вероятно, еще успею пригласить ее на вальс!

И было время: оркестр, невидимо скрытый на хорах, заиграл в этот момент упоительный вальс — и благоухающие пары закружились...

Так романисты писали раньше.

* * *

А вот так романисты должны писать теперь...

...Графиня вошла в бальный сарай — и ропот восхищения пробежал среди блестящих гостей...

На графине было платье из роскошного зеленого ситца, отделанное настоящими костяными пуговицами... На алебастровой шее сверкало и переливалось роскошное кольцо из кусочков каменного угля, в крохотные ушки были продеты две изящных, еще не использованных, спички, а царственная головка венчалась пером настоящей многотысячной домашней курицы.

Два молодых человека в изящных фраках, сшитых из мучных мешков, тихо

беседовали о графине:

— Да! Отец дает за ней 18 миллионов деньгами, 2 пары шерстяных чулок и флакон из-под французских духов!

— Ничего подобного, — вмешался третий, одетый в кретоновый смокинг из обивки кресла, лорнируя графиню в осколок пивной бутылки, вделанный в шипцы для завивки. — Отец дает за графией гораздо больше 18 миллионов!!

— Именно?

— Он дает за ней корову с теленком и двух уток.

— Parbleu! — вскричал молодой щеголь в рединготе из четырех склеенных номеров вчерашней газеты. — Я, вероятно, еще успею пригласить ее на вальс!..

Он вынул из кармана будильник на дверной цепочке, бросил на него косой взгляд и помчался к графине.

И было время: граммофон хрипло заревел упоительный вальс, танцующие сняли ботинки, чтобы зря не трепать подметок, — и пары, шлепая изящными пятками, закружились...

Страна без мошенников

Три человека собрались на пустынном каменистом берегу моря, под тенью, отбрасываемой огромной скалой; три человека удостоверились — не подслушивают ли их, и тогда старший из них начал:

— Именем мошенничества и преступления — я открываю заседание! Мы все трое, бывшие завсегдагаи тюрьмы и украшение каторги, — собрались здесь затем, чтобы с сего числа учредить преступное сообщество для совершения краж, грабежей и, вообще, всяких мошенничеств. Но... — насмешливо усмехнулся председатель, — может быть, за то время, что мы не виделись, — вы уже раскаялись и хотите начать честную жизнь?

— Что ты! — укоризненно вскричали двое, бросая на председателя обиженные взгляды. — Мошенниками мы были мошенниками, надеюсь, и умрем!

— Приятно видеть таких стойких негодяев, — одобрительно сказал председатель.

— Да! И в особенности под руководством такого мерзавца, как ты.

— Господа, господа! Мы здесь собрались не для того, чтобы расшаркиваться друг перед другом и отвешивать поклоны и комплименты. К делу! Что вы можете мне предложить?

Тогда встал самый младший мошенник и, цинично ухмыляясь, сказал:

— Я знаю, что теперь сливочное масло на базаре нарасхват. Давайте поддевывать сливочное масло!

— А из чего его делать?

— Из маргарина, желтой краски, свечного сала... Председатель усмехнулся:

— А известно ли моему уважаемому товарищу, что сейчас свечное сало и краска — дороже сливочного масла?

— В таком случае, простите. Я провалился. Тогда говори ты.

Встал второй:

— Я знаю, господа, что в одном торговом предприятии, в конторе, в несгораемом шкафу всегда лежат несколько миллионов!

— А как мы вскрыем несгораемый шкаф?

— Как обыкновенно: баллон с кислотой, электричество, ацетилен, автомати-

ческие сверла...

— Где же мы их достанем?

— Раньше всегда покупали в Лондоне.

— Ну, подумай ты сам; сколько будет стоить — поехать одному из нас в Лондон, купить всю эту штуку на валюту, погрузиться, заплатить фрахт, выгрузить на месте, доставить на извозчике... Я уверен, это влетит фунтов в 80, т. е. миллионов в восемь! А если в шкафу всего пять миллионов? Если три? Да если даже и десять — я не согласен работать из 20 процентов. Тогда уж прямо отдать свой оборотный капитал под первую закладную.

— Мне интересно, что же в таком случае предложит председатель — так жестоко бракующий наши предложения?

— А вот что! Я предлагаю подделывать пятисотрублевки. Во-первых, они одноцветные, голубые, во-вторых, рисунок не сложный, в-третьих...

— А что для этого нужно?

— Медная доска для гравировки, кислота, краска, бумага, пресс для печатания.

— Сколько же мы в месяц напечатаем таких фальшивок?

— Тысяч десять штук! Средний мошенник взял карандаш и погрузился в вычисления...

— Сейчас вам скажу, во что обойдется одна штука.

— Ну, что же?

— Н-да-с... Дело любопытное, но едва ли выгодное, Одна пятисотрублевка будет нам стоить 720 рублей!

— Черт возьми! А как же правительство печатает?

— Как, как?! У них бумага и краска еще старого запаса.

Долго сидели молча, угрюмые, раздавленные суровой действительностью.

— Ну, и страна! — крикнул председатель. — За какое мошенничество ни возьмись — все невыгодно!

— А что, если, — робко начал самый младший мошенник, — что, если на те деньги, которые у нас есть, — купить две-три кипы мануфактуры, да сложить ее в укромное местечко, да, выждав недели три, продать.

— Что ж из этого получится?

— Большие деньги наживем.

— Постой, какое же это мошенничество?

— Никакого. Зато выгодно.

— Постой! Да ведь мы мошенники! Ведь нам как-то неприлично такими делами заниматься!

— Почему?

— Ну, вот предположим, полиция узнает о нашей мануфактуре — что она нам сделает?

— Ничего.

— Вот видишь... Как-то неудобно. Я не привык такими темными делами заниматься.

— Но ведь не виноваты же мы, что это выгоднее, чем фальсификация продуктов, фальшивые бумажки и взлом кассы!

— Бож-же! — вскричал председатель, хватаясь за голову, — до какого мы дошли падения, до какого унижения. С души воротит, тошнит, а придется занять-

ся этой гадостью

И они встали, пошли в город. Занялись.

Вот почему теперь так мало мошенников и так много спекулянтов...

Русская сказка

Отец прижал голову крохотного сына к груди и начал сказку:

— В одном лесу жил мальчик и жила Баба-Яга Костяная Нога... Впрочем, ну ее, эту Бабу-Ягу, правда?

— Ну ее, — охотно согласился ребенок.

— Вот какую сказку я лучше расскажу: жили да были дед и баба, у них была курочка ряба... Хотя скучно это! Пусть она провалится, эта курочка!

— И дед с бабой пусть провалятся! — сверкая глазами, согласился мальчик, обуреваемый столь свойственным детям инстинктом разрушения...

— Верно. Пусть они лопнут — и дед и баба. А вот эта — так замечательная сказка: у отца было три сына, старший умный был детина, средний был и так и сяк...

— Пусть они тоже лопнут... — внес категорическое предложение малютка, улыбаясь с веселой свирепостью.

— И верно, сын мой. Туда им и дорога. Это все, конечно, чепуха, труха. Хорошая сказка рассказывается после соответствующего разбега. А так как я уже достаточно разбежался, то... слушай!

* * *

... Жил-был твой папа, и у папы была твоя мама, и была она потому, что тогда не было сыпного тифа. И жили твои папа с мамой в квартирке из шести комнат, и даже для сына была отдельная комнатка, где стояла его колыбелька. Теперь мы с тобой и дядей Сашей живем в одной комнате, а тогда у меня было шесть.

— У кого реквизировал?

— Держи карман шире! Тогда не было реквизиций! Кто какую квартиру хотел, такую и снимал. Хоть бы двадцать комнат! И вот однажды приезжаю я...

— С фронта?

— С которого? Никакейших тогда фронтов не было!

— А что ж мужчины делали, если нет фронта! Спекулировали, небось?

— Тогда не спекулировали.

— А что же? Баклуши били?

— Дядя Саша, например, был адвокатом. Петр Семеныч писал портреты и продавал их, дядя Котя имел магазин игрушек...

— Что-й-то — игрушки?

— Как бы тебе объяснить... Ну, например, — видел ты живую лошадь? Так игрушка — маленькая лошадь, неживая: человечки были — тоже неживые, но сделанные, как живые. Пищали. Даванешь живот, а оно и запищит.

— А для чего?

— Давали детям, и они играли.

— Музыка?

— Чего музыка?

— Да вот, играли.

— Нет, ты не понимаешь. Играть это значит, скажем, взять неживого человечка и посадить верхом на неживую лошадку.